

ОПАСНОСТИ ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Русаков Василий Матвеевич
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии УрГСХА

Сегодня, пожалуй, нет необходимости доказывать актуальность темы идентификации (или самоидентификации) личности: она столь мощно и разнообразно выплеснулась на страницы научной и популярной литературы, что не заметить или обойти ее как-то — не представляется возможным. Но с тем же основанием мы можем утверждать, что все величайшее разнообразие поднимаемых и разбираемых аспектов проблемы самоидентификации пока лишь говорит о чрезвычайной сложности ее и отсутствии однозначного решения.

Действительно, лишь чуть сориентировав свой угол зрения, сегодня становится видно даже «невооруженным глазом» все многообразие аспектов данной проблемы: это и проблема существования всевозможных референтных групп в социальной психологии, проблемы самоидентификации пола, религиозных, национально-этнических групп, научных сообществ или маргинальных групп, формирования индивидуальности («Я»), статусного потребления, моды, собственной и чужой нормальности, выбора имени, формирование государственной и партийной символики и т.п.

Однако все это богатство неизбежно требует категоризации.

В первом приближении можно сказать, что проблема самоидентификации связана с процессом социализации. В духовно-практическом плане — это есть процесс формирования смысложизненных ориентаций, вне которого человеческая личность совершенно невозможна: их утрата или даже

ослабление приводят к тяжелейшим психическим и соматическим расстройствам и даже смерти. Очевидно, проблема самоидентификации есть продолжение уникального свойства человека: это единственное живое существо, изначально, исходно не «заданное» (например, инстинктивно-врожденными реакциями). «Природа» человека принципиально «открыта» и если он с момента рождения не включен в процессы социализации (освоения культурных кодов), то из такой особи никакого Маугли не получится. Дело отнюдь не в освоении опыта, а в освоении особого способа человеческой жизнедеятельности — постоянного усвоения всевозможных смыслов, которые пронизывают в человеческом мире все — вещи, действия, чувства, мысли, отношения. Мы постоянно и непрерывно (часто безотчетно и непроизвольно) идентифицируем массу вещей, процессов и отношений, систематически отыскивая «подтверждение» им: «какое, милые, тысячелетие на дворе?», «кто я?», «где я?», «как я?» и т.п. Поддержание известной стабильности смысложизненных ориентаций индивида есть важное условие его существования: в случае нарушения их, расшатывания процессов ориентирования даже предметно-вещная чувственно-конкретная среда утрачивает свое значение для человека (наступает апатия, фобии, пограничные состояния). В самоидентификациях мы чаще видим явления сознательно-идеологического порядка — верность тем или иным взглядам, убеждениям, верованиям. Но не меньшее значение имеют способы повседневных жизненно-практических идентификаций индивидов с непосредственными условиями и обстоятельствами окружающей среды, которая придает человеку уверенности в себе особенно в случае неблагоприятных для него проявлений ее.

Поскольку очевидна необходимость подобных процессов, сторонами (аспектами) которых и выступают всевозможные варианты самоидентификации, то в человеческой культуре (культурах) наработаны различные способы решения этой проблемы. Нас в них интересует то обстоятельство, что многообразие вариантов самоидентификации личности можно разделить на рациональные и иррациональные.

К рациональным относятся такие способы самоидентификации (отнесения себя к..., самоотождествления себя с...), которые не только осуществляются осознанно, но и дискурсивно раскрываются (потенциально могут быть изложены) основания и мотивы ее, способные быть понятыми

другими людьми. Наоборот, иррациональные самоидентификации либо носят бессознательный характер, либо (что еще более важно) отсылают к основаниям и мотивам недискурсивного характера, в сущности даже не подлежащего рассуждению, обсуждению и пониманию. Например, когда адепты всевозможных конфессий, сект и эзотерических учений, расовой и классовой «гигиены», «почвы и крови» — отсылают всякого вопрошающего к подобным «неизреченным» истокам и первоосновам (вплоть до тривиальных ссылок: «так мне нравится», «это моя точка зрения»).

Сказанное не означает, что все сколько-нибудь общезначимые самоидентификации (людей, придерживающихся принципов нравственности, гуманизма, рационально-научного мышления и др.) — обязательно носят строго рациональный характер. Исходные принципы нравственности или человечности своими корнями могут основываться (и утверждаются) на неких исходных нормах и ценностях, которые носят вне-рациональный характер, поскольку не обосновываются, не выводятся из чего-либо еще более существенного. Поэтому, как только эти нормы и ценности перестают быть общепринятой основой для самоидентификации, а начинают обосновываться ссылками на недоступное человеческому пониманию и дискурсивно-невыразимое «первоначало» (будь то сверхъестественное или чьи-либо авторитет, воля, желание) — они тотчас приобретают вполне иррациональный характер. Это соотношение носит конкретно-исторический характер, поэтому мы видим, что, например, нормы нравственности, гуманности, научности на протяжении истории существенно менялись, меняя характер самоидентификации личности на их основе.

С этой же точки зрения понятно, что в культуре накапливаются и отрабатываются способы по преимуществу рациональной самоидентификации личности — осознающей истоки и основания своих предпочтений, готовой нести ответственность за них и открытой к их дискурсивному рассмотрению. Иррациональные способы самоидентификации преимущественно связаны с мифологическими и религиозными способами формирования смысложизненных ориентаций, с групповым и индивидуальным эгоизмом. Если присмотреться, то и в наших повседневных практиках можно найти великое множество совершенно иррациональных вариантов самоидентификаций — мы постоянно оперируем категориями «нормальное-ненормальное», понятное дело — отождествляя себя с нормой, благом, здоровьем, разумом и правилом.

Напротив, самоидентификации цивилизаций Нового времени, преодолевающих религиозно-мифологические способы смысложизненного ориентирования, наполняются все более рациональными схемами: национально-

государственная или партийная принадлежность гражданина, социальный статус, правовое положение, выбор той или иной мировоззренческой системы и т.п.

Но в условиях процесса глобализации проблема выбора между преимущественно рациональными или преимущественно иррациональными способами самоидентификации индивидов существенно обострилась по ряду причин. Во-первых, кризис смысложизненных ориентаций самого западноевропейского человечества и в целом Запада. Во-вторых, с резким процессом стремительного взаимодействия и даже столкновения различных культур, исходные основания (смыслы, нормы и ценности) которых или противоречат западным (племенные), либо как минимум — несоизмеримы с ними. Сегодня для существенной части населения Запада основания смысложизненных ориентаций и различных способов самоидентификации перестали быть очевидными и ценными (рациональными); более того, обнаруживается необходимость их существенной реформы под угрозой губительных последствий: вымирание населения; массовая иммиграция людей различных цветов кожи, верований, культур; доминирование антизападной культуры; распад государств и передача власти мировому правительству. И особую степень угрозы эти проблемы приобретают именно потому, что «противник — не просто очередная политическая партия, но иная вера, иной взгляд на бога и человечество», а потому исход войны решат не столько дебаты в Конгрессе, сколько «школьное образование, позиция массмедиа и судов» (П. Бьюкенен).

В чем отличие рациональной самоидентификации? Мир сам по себе существующий не является ни рациональным, ни иррациональным. Таковым он становится лишь в соприкосновении с человеком: человек в своей деятельности начинает соединять то, что разъединено и разъединять то, что соединено. Гипотенуза несоизмерима со своим катетом и потому не может быть выражена рациональным числом — но стороны треугольника и «не занимаются» этим, ибо только человек своими действиями стремится вносить в мир свою «меру» и «смысл».

Человек, поскольку он не приспособливается к миру, природе, а приспособливает их к себе, своим потребностям, «меркам», — открывает (и в этом смысле устанавливает) явление как соизмеримости и выразимости, так несоизмеримости, невыразимости и неконтролируемости. Но в случае рационального поведения он не гипостазирует это явление, не приписывает ему некой самостоятельной, волевой, субъективной сущности. Шаг за шагом научаясь «компенсировать» это проявление мироздания во взаимодействии с собой. Как, например, в математике, где и была впервые осознана и сформулирована проблема иррациональности как несоизмеримости: мы вырабатываем способы и

приемы сознательно-контролируемой процедуры «работы» с несоизмеримостями.

Идентичности, возводящие иррациональность в основополагающий способ мироориентирования, точнее, смысложизненного ориентирования человека, содержат следующие риски.

Во-первых, разрыв *человеческой коммуникации* в самом тонком и уязвимом месте: в смысле. Известно, что человеческая коммуникация, как обмен информацией, тем и отличается от коммуникации машинной, технической, что в ней присутствует смысл, который выходит за рамки текста в контекст. Но рациональное построение человеческой коммуникации организует *человеческий контекст* («понимание поверх барьеров непонимания», как говаривал С. Аверинцев), тогда как иррациональный способ настаивает на принципиальном разрыве («неизреченность», «невыразимость») и выводит в отчужденный от человека *нечеловеческий контекст*. (Хотя адепты подобных процедур при этом неизбежно лукавят: эта невыразимость предполагается «для всех прочих», но не для «специально посвященных», по какой-либо причине (крови, почвы, расы, веры) очень хорошо умеющих выражать невыразимое!).

Во-вторых, неконтролируемость как свойство перевозносимой иррациональности сверхъестественного *обесмысливает* всякую человеческую деятельность, что называется, «на корню»: «Все тлен и суета, и ловля ветра» — по слову Екклесиаста. Отсюда всевозможные варианты «смирения». Но и здесь человечество неутомонно испробовало все — в том числе предпринимательский активизм и даже собственный нахрап (в особенности — успешный!) как проявление личного смирения перед высшей волей (в протестантизме).

В-третьих, нарастает человеческая *деструктивность* такой сверхъестественной иррациональности, с которой идентифицирует себя верующий: ведь сам-то по себе человек ничего создать в этом мире не может. В том числе — сколько-нибудь правильное представление о том, что в действительности представляет собой мир природный или мир человеческий (поскольку все это ущербно, ложно). Представление об изначальной «поврежденности» мира («мир во зле лежит»!) препятствует пониманию действительных глубоко диалектических взаимоотношений между совершенством и несовершенством, нормой и патологией, рациональным и иррациональным и т.п.

Глубинные основания собственно человеческого общежития, действительно, уходят своими корнями куда-то достаточно глубоко и попытки вполне и целиком выразить их в каких-то простых вещах («материальный интерес», «воля к власти», «бессознательные влечения» и т.п.) — беспомощны, но не менее беспомощны попытки сведения их к иррациональному началу сверхъестественного, разоружающие человека. Дело в том, что нельзя

путать сами основания («экзистенциалы» человеческого бытия: страх, надежда, смех, и т.п.) и отношение к ним, их осознание или теоретическое представление. Сами по себе они не рациональны и не иррациональны. Таковыми они становятся в целесообразной человеческой деятельности — в зависимости от способа ее.

Если исходить из того, что фундаментальные условия жизни человека являются всеобщими, то и культуры, выросшие из видоизменений и особенностей этих всеобщих основ, способны к «взаимопросвечиванию» (диалогу), обогащающему человеческие способы жизнедеятельности. Через соизмерение несоизмеримого двигаться далее к освоению этих частей реальности (как мы соизмеряем несоизмеримые гипотенузу и катеты треугольника, вводим иррациональные выражения $\sqrt{2}$ для того, чтобы овладеть свойствами таких и других фигур).

Человечество даже само себя сделало невыразимым и несоизмеримым самому себе, сделав себя предметом собственного материального и духовного действия. Взвзвись выразить свою суть через различные односторонние свойства — материальные, психические, экономические, социальные, — оно столкнулось с несоизмеримостью, как в свое время Пифагор с соотношением сторон треугольника.

Но в случае с религиозным способом самоидентификации оно отрекается от себя в пользу нечеловеческого, сверхъестественного (хотя на каждом шагу антропоморфизирует то, что запрещает себе понимать «по образу и подобию» человека) и окольно притязает на выражение невыразимого, контроль неконтролируемого, используя практики, превращенный смысл которых нам сегодня приоткрывает этнография, история и антропология.

В одном случае противоположение человеческих несоизмеримостей разрешается через процесс взаимодействия людей. И здесь принципиально важно организовать его для достижения все большей выразимости, контролируемости и конструктивности. В другом случае — уход в деструктивную спонтанность и неизреченность, прикрываемые страхом перед ними же.

С процессами самоидентификации тесно связана проблема насилия и толерантности. Толерантность и насилие (принуждение) также являются диалектически взаимосвязанными категориями человеческой деятельности: нельзя возводить в абсолют одну из противоположностей — это обесмысливает их и приводит к абсурду. Но когда в человеческой жизнедеятельности практикуются иррациональные способы самоидентификаций (по признакам пола, расы, этноса, религии, и т.п.), то такие способы неизбежно связаны с насилием над личностью, прямой или замаскированной интолерантностью. К примеру, даже постмодернистов, проповедующих

эпистемологический анархизм, «равноправность любых дискурсов» и т.п. — на практике отличает весьма отчетливая интолерантность (отказ в осмысленности непостмодернистскому дискурсу; гиперкритицизм в отношении любых попыток осуществить рациональную коммуникацию между различными дискурсами; тезис о введении принудительного равенства между научным и ненаучным дискурсом и т.п.).

В этом свете могут быть поняты попытки

как рационалистического (т.е. одностороннего, однобокого, недialeктического) «выражения», «исчисления» всего человеческого в человеке, следовательно, уничтожения его спонтанной конструктивности и подчинения его тотальному контролю; так и иррационалистического культивирования и преклонения перед невыразимыми и неконтролируемыми проявлениями его деструктивности. Они одинаково антигуманны.

МЕТАФИЗИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.А. Фадеева

**Фадеева
Марианна
Альфредовна**
доктор политических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

Перед Россией, как и перед политическими системами всего мира, в качестве одной из важнейших стоит проблема построения общей идентичности и выработки чувства общности среди граждан государства. Старые и новые государства укрепляют и формируют национальную идентичность, что связано с большими сложностями. Эти сложности особенно велики в тех случаях, когда нация включает в себя несколько этнических, религиозных или лингвистических групп. В условиях кризиса старых и становления новых национальных идентичностей этническая идентичность превращается в важнейший принцип самоопределения индивида и общности. В связи с происходящими на всем постсоветском пространстве, в том числе и в России, социальными и политическими трансформациями проблема этнической идентичности оказалась политической проблемой, так как неразрывно связана с жизнью народов и территорий, особенностями государственного устройства. Этническая идентичность может быть выбрана как политическая стратегия. Повышенный интерес к этой стратегии обнаруживается со стороны этнонационалистически ориентированных политических кругов, к которым самым, казалось бы, неожиданным образом могут относиться не только этнические элиты, лишенные доступа к власти и ресурсам или маргинальные

политические партии, но и государства.

Поэтому важно выделить собственно этнополитический смысл этнической идентичности. Это означает, что в рамках этнополитологических исследований тема этнической идентичности требует особо пристального внимания. Понятие идентичности вошло в научный дискурс в конце 70-х гг. XX века, что связано с именем не политолога, а психолога Э. Эриксона. Британский социолог З. Бауман указывал на знаменательное изменение в интеллектуальном климате современной эпохи, наиболее характерной чертой которого становится помещение в центр исследований проблемы идентичности. Другой британский исследователь С. Хэлл замечал, что в настоящее время наблюдается действительный взрыв интереса к концепции идентичности. Француз А. Турен подчеркивал, что тема идентичности приобретает новое значение в гуманитарных науках. Российская социальная и гуманитарная наука включилась в исследования идентичности несколько позже и до сих пор в ней остается некая загадочная неопределенность.

Полисемантизм приводит к затруднениям в решении вопроса о сущности идентичности. Для русскоязычной науки термин «идентичность» — заимствованный, что создает особые трудности в его интерпретации. При переводе возникает ситуация многозначности термина. То, что произошло от латинского *identicus* — тождественный, одинаковый, приобрело много смыслов. Так, с английского *identity* переводят как тождественность, дословно — идентичность, как подлинность и даже как личность, индивидуальность. Во французском *identity* — тождество, совпадение; *identique* — идентичный, тождественный, одинаковый, а также — равнозначный, аналогичный; *identifier* означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать. Это не только и не столько языковая проблема.

Представляется ли этнический индивид в качестве идентичного тождественным, похожим или поддельным по отношению к этнической общности, зависит от понимания идентичности. От этого простого понимания в свою очередь